

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ Н. С. ХРУЩЕВА В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1953—1964 гг.)

В. С. Балакин, Т. М. Петрова

Раскрывается визуальный образ Н. С. Хрущева как политического лидера. Источниковедческую основу статьи составляют материалы газет «Правда», «Известия», «Труд» и журналов «Огонек», «Советское фото», «Советский Союз» за 1953—1964 гг. Целью работы является выявление особенностей репрезентации Н. С. Хрущева. Внимание авторов привлечены вопросы идеологизации образа Н. С. Хрущева и его визуализации в массовой печати, использования символов и аллюзий, создающих образ партийного лидера эпохи «оттепели». На материалах, освещающих официальные мероприятия и встречи, заграничные командировки Н. С. Хрущева, авторы выявляют «старые» и «новые» черты визуального образа советского руководителя. В частности, «выделение» Н. С. Хрущева среди руководителей, его центральное расположение на фотографиях, использование фотомонтажа, эмоциональность, улыбка, раскрепощенность, подвижность, дружелюбие по отношению к иностранным представителям. Авторы делают вывод о том, что периодическая печать способствовала медиатизации и десакрализации образа Н. С. Хрущева.

Ключевые слова: Н. С. Хрущев, репрезентация, образ, периодическая печать, визуализация

Смена политического режима, наступившая после смерти И. В. Сталина, оказала влияние практически на все сферы жизни общества, в том числе методы и возможности репрезентации власти. Мощь государства, сохранившаяся от предыдущих эпох, в совокупности с харизмой его нового руководителя, Н. С. Хрущева, определили иной вектор развития страны. В связи с этим изучение образа Хрущева как носителя верховной власти в СССР способствует пониманию социального механизма коммуникации власти и общества.

Источниковедческой основой статьи стали материалы центральных советских газет («Правда», «Известия», «Труд») и журналов («Советское фото», «Советский Союз», «Огонек») за период 1953—1964 гг. Подобный выбор был обусловлен возможностью сопоставить функционирование образов власти в официально-партийном и общественно-политическом форматах. Выбранные издания позволили сделать максимально репрезентативную выборку визуальных изображений Хрущева, а также выявить в них элементы традиций и новаций.

«Визуальный поворот» в исторических исследованиях последних пор сделал вопрос изучения властных образов интересным для исследователей. Среди подобных работ выделим лишь некоторые, инструментарий которых возможно экстраполировать на почву изучения визуального образа Н. С. Хрущева. Например, к изучению фотоматериалов обратилась О. Гавришина в работе «Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности»» [8]. Статьи, составившие книгу, посвящены условиям фотографического «видения» и возможности извлечения информации из самой фотографии. Статья Е. Щербаковой «Визуальная история» из сборника «Между канунами. Исторические исследования в России за последние 25 лет» посвящена историографическому анализу «визуального поворота» в работах современных российских историков [33]. Большой интерес также представляет статья И. Нарского «Проблемы и воз-

можности исторической интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького)» из сборника статей «Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия» [12]. Она посвящена анализу методологических подходов к изучению фотографий как особому виду источников. Я. Плампер в монографии «Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве» при помощи диахронического анализа репрезентаций И. В. Сталина в газете «Правда» проанализировал изменение образа «вождя» за весь период его нахождения у власти и формирование «культ личности» [23]. Исследованию репрезентации тела в советской «оттепельной» фотографии посвящена диссертация Е. Викулиной [6]. В ней автор с культурологической и искусствоведческой точек зрения подошла к изучению новаций, появившихся в фотографиях 1953—1964 гг., и анализу отражения в них характерных для общества тенденций эпохи.

Методологические аспекты работы с фотоисточником

Работа с изображениями требует иного набора инструментов, чем работа с письменными источниками. Непосредственная интерпретация фотографии зависит от постановки вопросов и когнитивного интереса исследователя. Одним из простейших приемов анализа фотодокумента является метод исследования материальной культуры. Он концентрируется на идентификации и описании изображенных объектов [12, с. 59]. При этом анализ фотографии необходимо сопровождать тщательным и медленным разглядыванием, дабы не упустить важных деталей, особенностей композиции и сюжета. Дополнить информацию можно при помощи искусствоведческого описания изображения. Использование данного приема предоставляет возможность собрать материал о самом фотографе, его эстетических пристрастиях и конкретном замысле.

Интересную модель анализа визуальных объектов предложил немецкий исследователь культуры

Э. Панофский. Его подход имеет трехступенчатую структуру. На первом этапе — уровень анализа — производится доиконографическое описание, включающее идентификацию на изображении отдельных предметов и событий. Второй этап — иконографический анализ — сопровождается раскрытием конкретного значения идентифицированных деталей изображения, репрезентированных тем, аллюзий и аллегорий. Третий — иконологическая интерпретация — способствует расшифровке значений и смыслов, неосознаваемых фотографом и воплощающих дух времени [21, с. 27—44].

Структуралисты и семиотики рассматривали изображения как знаковые системы, обращая особое внимание на неочевидные элементы в ущерб отраженной на них реальности и историческому контексту. Одним из приверженцев данного подхода к анализу визуальных источников был Р. Барт. Он выделял два вида понимания: *studium* — визуальное рассмотрение изображения и *punctum* — концентрацию внимания на отдельных элементах, рождающих цепь ассоциаций [4].

Социологи В. Беньямин, П. Бурдьё, Шт. Гуссер также предпринимали попытки осмыслить способы работы с фотодокументами. Например В. Беньямин анализировал фотоснимки с опорой на марксистскую критику капитализма. Он полагал, что иллюстрированные журналы могли стать мощным инструментом в руках правящих элит. Критикуя недостоверность дотокументов, Беньямин также давал пессимистичные прогнозы о замещении вербальных образов визуальными [5, с. 62—65].

Личностные характеристики Н. С. Хрущева

Фигура Никиты Сергеевича Хрущева является одним из наиболее противоречивых руководителей СССР. Неоднозначные характеристики он начал получать еще от своих современников. Например, А. Н. Яковлев писал о нем следующее: «Я не припомню личности, если говорить о политиках XX столетия, более противоречивой, со столь раздвоенным сознанием. <...> Активный участник преступлений сталинского периода и разрушитель его ... Человек с маниловскими словыражениями, но и жесткий прагматик. Хитер, но и по-детски наивен. Труженик и мечтатель. Предсказуем, бесцеремонен, хваток и ловок» [34, с. 114].

Говоря о личности Н. С. Хрущева, стоит отметить две его особенности. Во-первых, Н. С. Хрущев сам являлся продуктом предшествующего времени. Во-вторых, он был одним из немногих, кто чувствовал «перенапряженность» советского общества. В своих воспоминаниях он записал: «Мы получили после Сталина тяжелое наследство. Страна была доведена до предела беспрестанными капиталовложениями в оборону» [32, с. 167—169].

Н. С. Хрущев постоянно соприкасался с жизнью народа, видел, что экономика не удовлетворяла нужды населения. Несмотря на это, он был далек от мысли о том, что модель ранней социалистической индустриализации подошла к пределу возможностей.

До назначения в государственно-партийный аппарат Н. С. Хрущев долгое время работал в УСССР и не входил в первую «пятерку» членов Политбюро

[32, с. 19]. Н. К. Байбаков отмечал, что в списке заслуг Хрущева не было громких деяний, «зато бытовало мнение — крепок, хватист и хороший хозяйственник, то есть типичный партийный практик <...> после «железных» Феликсов и наркомов, вождя с «металлической» фамилией страна хотела бы иметь обычного человека» [3, с. 109].

В декабре 1949 г. Сталин задумал изменить политическую расстановку сил в своем окружении, и пригласил Н. Хрущева на работу в Москву. Занятие властных постов позволило Хрущеву сделать стремительную карьеру. Д. А. Волконогов писал о нем, что это «тип руководителя — «мужика», человека, особенно тесно связанного с народной толщей» [7, с. 329—340].

Фанатичная вера в возможности советской системы и коммунизм как общество социальной справедливости является одним из маркеров мировоззрения Н. С. Хрущева. Опираясь на обрывки полученных знаний, он был уверен, что фундамент коммунистического общества — марксизм-ленинизм — уже заложен, а ему лишь осталось ускорить получение конечных результатов.

По отношению к сталинскому наследию мнение Н. С. Хрущева несколько раз менялось. Он писал, что в 1953 г. никто не мог «освободиться от идеи, что Сталин — друг каждого, отец народа, гений и пр. и пр.» [12, с. 136]. Данное высказывание связано с тем, что в то время Хрущев не думал инициировать разоблачение «культы личности». Также, после смерти вождя в правящей верхушке не было никого, кто бы имел иной управленческий опыт. Основная причина непоследовательности Хрущева в критике Сталина заключается в том, что он сам вышел из среды предыдущей эпохи. Во время публичных выступлений Хрущев часто использовал фразу: «а что же, мы напрасно трудились со Сталиным?» [13, с. 462]. Главное несогласие Хрущева со Сталиным видимо носило нравственный характер. Не имея собственных концепций развития советского общества, Никита Сергеевич был вынужден свести критику своего предшественника к минимуму.

Следует отметить, что Хрущев в последующие годы своего правления боялся зайти в критике Сталина слишком далеко, опасаясь, что вслед за этим последует критика социалистической системы в целом. Данные соображения заставляли его сосредотачивать основную волну критики на личностных качествах Сталина. Интересно, что по мере освоения Хрущев во властном аппарате, приобретения управленческого опыта, поездок в зарубежные страны, дискурс в отношении «отца народов» становится все более сдержанным и менее критичным.

В целом, с 1953 по 1964 г. из всех сторон личности Н. С. Хрущева господствовала прагматическая. Задачу построения коммунизма он понимал утилитарно. Уже на Пленуме 1953 г. Хрущев озвучил следующее понимание коммунизма: «какой же коммунизм без горячих лепешек. <...> Идеиность — большое дело, но сила идеиности возрастает, если человек хорошо питается, имеет хороший обед. <...> ...нельзя чтобы все имели правильную идеологию, а без штанов ходили» [10, с. 95].

Стратегия развития государства эпохи Хрущева в целом была обусловлена его утопическим образом

мышления. Утопическое сознание не позволило Н. С. Хрущеву «сработать» на опережение. Все главные задачи были подчинены стремлению «обогнать время». В ряде случаев данный фактор либо перевешивал все иные аргументы, либо взаимно дополнял их.

Проблема сворачивание процесса десталинизации Н. С. Хрущевым носит дискуссионный характер. Наиболее взвешенной является позиция Р. Г. Пихоя. Он писал о том, что «сказав правду о конкретных преступлениях Сталина, он (Хрущев) испугался последствий своего политического деяния, ибо в обществе началась дискуссия о характере самой системы» [22, с. 124]. Соглашаясь с данным суждением, отметим, что меры, предпринятые Н. С. Хрущевым, по либерализации режима оказались недостаточными, поскольку несмотря на желание освободить страну от «сталинского» наследия, Н. С. Хрущев так и остался скован идеологическими догмами. Однако человека его склада и характера требовало время.

Визуальный образ Н. С. Хрущева

Визуальный образ Н. С. Хрущева на сегодняшний день малоизучен. Причинами этого стало «забвение» Хрущева как руководителя СССР в период 1964—1985 гг., нахождение его в тени фигуры И. В. Сталина, а также наличие неоднозначных характеристик в источниках и литературе. Однако, являясь «переходной» фигурой новейшей отечественной истории, он объединил в себе традиционные черты предыдущей эпохи с новыми веяниями.

Впервые фигура Хрущева начала появляться на официальных партийных снимках еще при жизни И. В. Сталина. Однако тогда роль «первых скрипок» играли В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов и Н. А. Булганин. Н. С. Хрущев же изображался далеко не на центральных позициях.

На «сталинских» фотографиях верховная власть была крайне сакрализованной, потому члены Политбюро изображались одинаково монументальными и застывшими, с одинаковыми выражениями лиц и в одинаковой одежде. Обильная ретушь делала фотоснимки больше похожими на карандашные наброски. На общем фоне выделялась лишь фигура И. В. Сталина. Данный эффект достигался благодаря харизме лидера, постановочному характеру снимка и цвету одежды Сталина, его положению относительно других участников фото (см. рис. 1) [24].

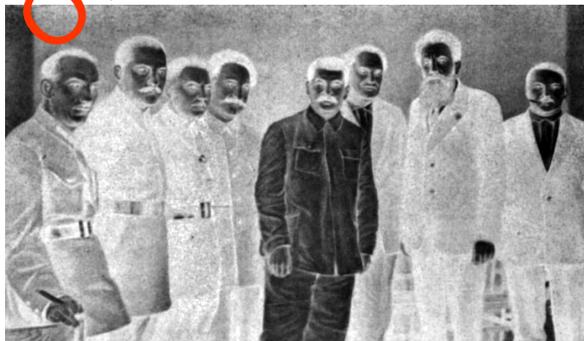

Рис. 1. Товарищи Сталин, Каганович, Ворошилов, Орджоникидзе, Куйбышев, Шмидт, Жданов и Ягода (Правда, 1934 г., 6 июня)

После смерти Сталина в 1953 г. область визуальной репрезентации стала полем борьбы за власть. Изначально пальма первенства по частоте упоминаний в периодической печати принадлежала Г. М. Маленкову. Например, в «Правде» от 7 и 9 марта 1953 г. были опубликованы фотографии похорон Сталина. Центральное место на снимках занимает гроб с телом «вождя» (см. рис. 2) [25]. Ближе всех к телу усопшего стоит Г. М. Маленков. Чуть дальше расположены Л. П. Берия, К. Е. Ворошилов, Н. А. Булганин, Л. М. Каганович и В. М. Молотов. Фигура Н. С. Хрущева видна только на одном из двух снимков.

Рис. 2. В Колонном зале Дома Союзов 6 марта 1953 года. Руководители партии и правительства у гроба товарища И. В. Сталина (Правда, 1953 г., 7 марта)

Вплоть до 1956—1957 гг. сохранялась «горизонтальность» в представлении власти, связанная с принципом «коллективного руководства» СССР, сохранялась Газеты и журналы в те годы фактически стали ретрансляторами официального властного дискурса. Периодические издания очень чутко реагировали на смены руководящего состава ЦК КПСС. Так, после устранения Л. П. Берии фамилия Н. С. Хрущева, до этого стоявшая в подписях к фотографиям в середине или конце, стала воспроизводиться третьей после Маленкова и Молотова, а с июня 1954 г. список руководящих лиц печатался в алфавитном порядке, что свидетельствовало о новых изменениях в отношениях между членами «коллективного руководства» и о дальнейшем ослаблении позиций Маленкова [20, с. 99].

Подлинный же «прорыв» в репрезентациях Н. С. Хрущева на страницах советской периодики произошел 17 апреля 1954 г. — в день его 60-летнего юбилея. Тогда на первых полосах газет «Правда», «Известия» и «Труд» был помещен портрет Первого секретаря ЦК КПСС и подпись к нему, занимавшие третью часть всей страницы (см. рис. 3) [9]. На снимке Хрущев представлен как человек «обветренный, загорелый, с седеньким венчиком волос по кругу мощного черепа» [1, с. 300]. По сравнению со Сталиным, это уже не «вождь народов», а типичный советский чиновник.

Рис. 3. Портрет Н. С. Хрущева от 17 апреля 1954 г. (Известия, 1954 г., 17 апреля)

пажа советского руководителя в прессе сохранялись некоторые пережитки предыдущих лет.

Например, подобно Сталину, Хрущев с годами начал «отгораживаться» от толпы и выделяться среди прочих участников снимков. Если на фотографии торжественного приема в Кремле в честь Г. Титова центром фото является второй советский космонавт, а Н. С. Хрущев мало чем отличается от других партийных функционеров (см. рис. 4) [29], то на фотографии пребывания Первого секретаря ЦК на строительстве Киевской ГЭС главным персонажем композиции является непосредственно Хрущев (см. рис. 5) [30].

Рис. 4. Торжественный прием в Кремле в честь второго полета человека в космос (Советское фото, 1961 г., № 10)

Рис. 5. Проводы товарища Н. С. Хрущева на строительстве Киевской ГЭС в 1961 г. (Советское фото, 1962 г., № 6)

Данный эффект был достигнут благодаря помещению фигуры Хрущева в центр снимка, светлому цвету костюма, наградам и орденам, а также выражению его лица и некоторым позам. Вследствие этого можно сказать, что в репрезентациях Хрущева появились черты авторитаризма.

Еще одним пережитком предыдущей эпохи являлся фотомонтаж. В одном из номеров журнала «Огонек» нами был замечен снимок приема в посольстве Китайской Народной Республики в Москве (см. рис. 6) [16]. Фотография официальной встречи Президиума ЦК КПСС с Премьером Государственного Совета и министром иностранных дел КНР Чжоу Энь-Лаем заслужила нашего особого внимания, т. к. ретушированный снимок, скорее всего, является монтажом. Данный вывод можно сделать

после анализ ряда его особенностей. Во-первых, правая рука Чжоу Энь-Лая, словно «вырастая» из левой руки Хрущева, замирает в неестественном положении. Во-вторых, лица собравшихся за праздничным столом имеют скорбные выражения, что не характерно для «хрущевских» фотографий. В-третьих, цветы и фрукты на столе либо очень тщательно отретушированы, либо, что кажется нам более правдоподобным, специально нарисованы. Наконец, в-четвертых, голова Чжоу Энь-Лая несколько неравномерно «приклеена» к воротнику френча. Скорее всего, голову представителя китайской делегации «изъяли» из другой фотографии. Кроме того, между шеей и воротником виднеется белая полоска — возможно, это след от ретуши для сглаживания фальшивки.

Рис. 6. Встреча Президиума ЦК КПСС с правительственной делегацией КНР во главе с Премьером Государственного Совета и министром иностранных дел КНР Чжоу Энь-Лаем (Огонек, 1957 г., 27 января)

Тем не менее, в визуальных репрезентациях Н. С. Хрущева присутствует ряд существенных новаций. При фотографировании Хрущева во время официальных мероприятий применялась широкоугольная оптика, а сам стиль снимков из постановочного стал репортажным. Например, в одном из номеров «Огонька» Н. С. Хрущев и А. И. Микоян на Внуковском аэродроме готовятся к отлету в ГДР (см. рис. 7) [15]. На фотографии оба руководителя запечатлены в движении, с непосредственным выражением лица. Их фигуры расположены в правом нижнем углу, что является еще одной новацией «оттепельной» фотографии. Данный снимок словно выхватывает секунду из жизни высшего партийного руководства, возвращая в обиход «прямую», т. е. документальную фотографию [6, с. 67].

Также в эпоху «оттепели» началось массовое тиражирование образа власти. Благодаря большому количеству упоминаний Н. С. Хрущева на страницах советской периодики произошла медиатизация его репрезентаций. Для примера, в 1963 г. фотоснимки Хрущева появились на страницах советских изданий 140 раз, а за девять месяцев 1964 г. — 120 раз [11, с. 154]. Такое внимание со стороны прессы было обусловлено частыми командировками советского премьера как внутри страны, так и за рубежом.

Абсолютное большинство фотоснимков Н. С. Хрущева, в противовес изображениям И. В. Сталина заполнено людьми. Первый секретарь

Рис. 7. Н. С. Хрущев и А. И. Микоян на Внуковском аэродроме в день отлета в ГДР (Огонек, 1957 г., 11 августа)

ЦК на самом деле был близок к народу, в том числе и к иностранному. Так, на нескольких фотографиях, освещавших посещение Хрущевым и Булганиным Индийской Республики и Бирмы в 1956 г., первые лица Советского государства изображены в окружении рядовых граждан (см. рис. 8) [14].

Рис. 8. Пребывание Н. А. Булганина и Н. С. Хрущева в Индии (Огонек, 1956 г., 12 февраля)

Один из снимков митинга на Красной площади в честь второго полета человека в космос («Приземлился!») репрезентирует не только гордость советских граждан за страну и партию, но и признание заслуг премьера в деле покорения космического пространства. В доказательство этого люди наряду с портретом Г. Титова и лозунгом «Слава КПСС!» держат портрет Н. С. Хрущева (см. рис. 9) [29].

Одной из наиболее характерных и новаторских черт в репрезентациях Н. С. Хрущева является их повышенная эмоциональность, динамизм, активная мимика и жесты участников, повседневный стиль одежды. Интересно проследить наличие данных черт на фотографиях поездки Хрущева по США — еще одному новшеству периода его руководства СССР.

Благодаря фотоснимкам пребывания первого лица Советского Союза в Соединенных Штатах Америки в советских СМИ конструировался амбивалентный образ этой страны. С одной стороны,

Рис. 9. Приземлился! (Советское фото, 1961 г., № 9)

Америка была главным врагом СССР на внешнеполитической арене, с другой — создавалось положительное представление о простых американцах — друзьях советского народа.

Визуальный ряд материалов содержит в основном снимки толпы встречающих людей. В журналах они монтировались рядом с фотографиями Хрущева, который приветствовал рядовых американцев (см. рис. 10) [24].

Рис. 10. Н. С. Хрущев обнимает американского мальчика на станции Сан-Луис Обиспо (Советский Союз, 1959 г., № 11)

На всех снимках Н. С. Хрущев не стесняется в выражении эмоций. Он привычно улыбается, машет шляпой и поднимает руки в приветственном жесте. Фотографии не скрывали его телесных особенностей, тем самым репрезентируя живого человека со своими недостатками, такими как лысина или брюшко. Эти качества даже обыгрывались. Например, на снимке А. Новикова для «Огонька» Н. С. Хрущев и Д. Эйзен хауэр сняты с такого ракурса, на котором одна над другой видны их одинаково лысые головы (см. рис. 11) [17]. Тем не менее, ни на одном снимке Хрущев не удостоил своего американского коллегу дружескими объятиями, что свидетельствует о напряженности в отношениях между странами, несмотря на все попытки наладить контакт.

Рис. 11. Н. С. Хрущев и Д. Эйзенхауэр
(Огонек, 1959 г., 20 сентября)

На некоторых фотографиях запечатлена демократичность советского руководителя, с радостью знакомящегося с американским образом жизни. Так, на одном из снимков Хрущев изображен с подносом в заводском кафе (см. рис. 12) [19], а на другом — в универсальном магазине самообслуживания (см. рис. 13) [18].

Рис. 12. Н. С. Хрущев завтракает в кафетерии завода
счетных машин в городе Сан-Хосе
(Огонек, 1959 г., 4 октября)

На ферме Р. Гарста Н. С. Хрущев, сжимающий в руках початок кукурузы, снят крупным планом. Данный способ фотографирования являлся для советских граждан непривычным (см. рис. 14) [27].

Также во время посещения США Хрущев совместно с Президентом Эйзенхауэром принял участие в ряде светских мероприятий. Например, оба руководителя были сфотографированы вместе с супругами во время обеда в советском посольстве (см. рис. 15) [18]. Вечерние туалеты господина и госпожи Эйзенхауэр с перчатками и «бабочкой» явно диссонируют с нарядами четы Хрущевых, помещая последних в новый контекст светской жизни.

Рис. 13. Н. С. Хрущев в универсальном
продовольственном магазине самообслуживания
в Сан-Франциско (Огонек, 1959 г., 27 сентября)

Рис. 14. Н. С. Хрущев на ферме Р. Гарста в штате Айова
(Советский Союз, 1959 г., № 11)

Рис. 15. Обед в Советском посольстве в Вашингтоне
в честь президента США Д. Эйзенхауэра и его супруги
(Огонек, 1959 г., 27 сентября)

В продолжение темы одежды отметим, что неизменным элементом гардероба Хрущева, кроме «брюк-парашютов» и рубашки-вышиванки, стала шляпа (см. рис. 16) [31]. Любовь к данному предмету гардероба могла быть аллюзией на образ В. И. Ленина и его кепку. Учитывая партийный опыт

Рис. 16. Обложка журнала «Советское фото» (Советское фото, 1962 г., № 7)

Рис. 17. Отцовские объятия (Советское фото, 1961 г., № 9)

Хрущева («ленинский» набор в партию, работа инструктором в годы Гражданской войны), провозглашение им возврата к истинному учению Маркса-Энгельса-Ленина, вполне закономерно. К тому же Н. С. Хрущев мог на бессознательном уровне пытаться копировать образ В. И. Ленина, чья фигура, по-видимому, оказала большое влияние на становление Хрущева как личности. Первый секретарь ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидов однажды позволил себе вербально зафиксировать данное стремление: «... управление этим коммунистическим кораблем находится в крепких, надежных руках... ленинского Центрального комитета во главе с выдающимся ленинцем», с. 497].

Поднятая вверх в повелительном жесте или сжатая в кулак рука, возможно, являются еще одной аллюзией на В. И. Ленина и возврат к его заветам. Начиная свою политическую карьеру в качестве инструктора, Н. С. Хрущев точно знал, при помощи каких невербальных средств можно воздействовать на людей. Именно поэтому еще с «ленинских» времен у него сохранилась привычка все свои фразы поддерживать сотрясающимся кулаком правой руки. Данный жест использовался Хрущевым позже на всех официальных собраниях.

Одной из самых ярких новаций в визуальной репрезентации Н. С. Хрущева стало появление в них сенсуальности и тактильности. Дружественные намерения в конце 1950-х — начале 1960-х гг. подтверждались посредством объятий и поцелуев. Например, Хрущев прижимал к груди первых советских космонавтов: Ю. Гагарина и Г. Титова («Отческие объятия») (см. рис. 17) [29]. Интересно, что название фотоснимка подчеркивает теплоту отношений, не забывая об определенной иерархии.

Объятиями сопровождалась и все встречи Н. С. Хрущева с иностранными представителями, особенно с Ф. Кастро. Благодаря такому проявлению

эмоций создавался новый, «оттепельный», тип чувствительности (см. рис. 18) [28]. Хрущевская власть утвердилась не при помощи страха, а через апелляция к чувствам, распаивая свои объятия новым друзьям.

В итоге, новые элементы в репрезентации власти конца 1950-х — начала 1960-х гг. раздвинули рамки допустимого. Умение Н. С. Хрущева просто и доходчиво говорить без бумажки, шутить и улыбаться, значительно способствовали росту его популярности и разрушению прежних стереотипов о руководителе Советского Союза.

В 1953 г. советским людям, привыкшим к застывшему и монументальному образу И. Сталина, энергичные жесты и мимика Н. С. Хрущева вместе с его обещаниями показать всему миру «кузькину мать» казались необычными. Н. С. Хрущев способствовал созданию нового репрезентативного канона. Кроме того, образ руководителя СССР подвергся медиатизации из-за необходимости его трансляции в зарубежные, в том числе капиталистические, страны. Тем не менее, на страницах советской периодической печати поэтика «оттепели» (эмоциональность жестов и мимики, объятия, толпы народа, казуальность одежды, репортажный стиль фотографий) продолжала соседствовать с наследием «сталинской» визуальности (фотомонтаж, выделение фигуры лидера).

Постепенно, наличие всех вышеперечисленных тенденций в репрезентации Н. С. Хрущева привело к, пожалуй, самой важной новации 1953—1964 гг. — десакрализации власти. Благодаря этому стали возможны изменения внутри- и внешнеполитического курсов, а также «политические» новации октябрьского пленума 1964 г.

Литература и источники

1. Аджубей, А. И. *Те десять лет. Фрагменты воспоминаний* / А. И. Аджубей // *Никита Сергеевич Хрущев: материалы к биографии.* — М. : Политиздат, 1989. — С. 287—347.
2. Аксютин, Ю. В. *Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг.* / Ю. В. Аксютин. — М. : РОССПЭН, 2010. — 622 с.

3. Байбаков, Н. К. От Сталина до Ельцина / Н. К. Байбаков и др. — Т. 1. — М. : МФД, 2009. — 352 с.
4. Барт, Р. *Camera lucida*. Комментарий к фотографии / Р. Барт. — М.: Огонек, 1956. — 12 февр.
5. Беньямин, В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости / В. Беньямин. — М.: Медиум, 1996. — 240 с.
6. Викулина, Е. И. Репрезентация тела в советской фотографии «оттепели»: дис. ... канд. культурологии / Е. И. Викулина. — М., 2012. — 347 с.
7. Волконогов, Д. А. Семь вождей. / Д. А. Волконогов. — М.: АСТ, 1998. — 358 с.
8. Гавришина, О. В. Империя света: фотографии как визуальная практика эпохи «современности» / О. В. Гавришина. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 192 с.
9. Известия. — 1954. — 17 апр.
10. Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма ского пленума ЦК КПСС и другие документы / В. П. Наумов, Ю. В. Сигачев — М. : МФД, 1999. — 512 с.
11. Медведев, Р. А. Н. С. Хрущев. Политическая биография / Р. А. Медведев // Дружба народов. — 1989. № 7. — С. 118—157.
12. Нарский, И. В. Проблемы и возможности исторической интерпретации семейной фотографии на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горького / И. В. Нарский // Очевидная история. Проблемы актуальной истории : сб. ст. — Челябинск : Каменный восток, 2008. — С. 55 — 74.
13. Никита Сергеевич Хрущев: два цвета времени / Н. С. Хрущев. — М. : сб. документов / сост. А. Н. Артизов, Л. А. Величанская. — М.: Яковлев, 2001. — 603 с.
14. Огонек. — 1956. — 12 февр.
15. Огонек. — 1957. — 11 авг.
16. Огонек. — 1957. — 27 янв.
17. Огонек. — 1959. — 20 сент.
18. Огонек. — 1959. — 27 сент.
19. Огонек. — 1959. — 4 окт.
20. Опенкин, Л. А. Оттепель: как это было (1953—1955 гг.) / Л. А. Опенкин. — М. : Знание, 1991. — 63 с.
21. Панофский, Э. Этюды по иконологии. Гуманистические темы в искусстве Возрождения / Э. Панофский. — М.: ИД «Азбука-классика», 2009. — 42 с.
22. Пихоя, Р. Г. Советский Союз: история власти 1945—1991 / Р. Г. Пихоя. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1998. — 680 с.
23. Плампер, Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве / Я. Плампер. — М. : Новое литературное обозрение, 2010. — 496 с.
24. Правда. — 1934. — 5 июня.
25. Правда. — 1953. — 7 марта.
26. Советский Союз. — 1959. — № 11.
27. Советское фото. — 1961. — № 9.
28. Советское фото. — 1962. — № 6.
29. Советское фото. — 1962. — № 7.
30. Хрущев, Н. С. Воспоминания. / Н. С. Хрущев. — М.: Вече, 2016. — 896 с.
31. Щербак, Е. И. Визуальная история / Е. И. Щербак // Очевидная история. Проблемы актуальной истории : сб. ст. — Челябинск : Каменный восток, 2011. — С. 175—188.

Поступила в редакцию 31 августа 2017 г.

Балакин Виктор Сергеевич — доктор исторических наук, профессор, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). E-mail: 2679101@mail.ru

Петрова Татьяна Михайловна — студент исторического факультета института социально-гуманитарных наук, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск, Россия). E-mail: tatiana.petrova-t@yandex.ru.

Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2017, vol. 17, no. 4, pp. 22—30

DOI: 10.14529/ssh170403

Features of N. S. Khrushchev's visualization in the soviet periodical press (1953—1964)

V. S. Balakin, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
2679101@mail.ru

T. M. Petrova, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation,
tatiana.petrova-t@yandex.ru.

The article explores visual image of N.S. Khrushchev as a political leader. Papers The Pravda, The Izvestia, The Trud and magazines The Ogonyok, The Soviet Photo, The Soviet Union for the period 1953—1964 are documentary basis of work. Purpose of the article is identification of Khrushchev's representation features. The Author's attention was attracted by questions of Khrushchev's image ideologization and his visualization in mass-media, use of symbols and allusions which create image of the thaw's party leader. Author detects main features of the Soviet leader's visual image through materials from official events, appointments and business trips: emotionality, smile, freeness, agility, friendliness toward foreigners. Author concludes that periodical press was fostered the «new» image

of the Soviet leader, different from Stalin. The mass-media was became official party propaganda's instrument which permitting to desacralize the Soviet power in consciousness of citizens.

Keywords: N. S. Khrushchev, the thaw, representation, image, periodical press, visualization

References

1. Adzhubej, A. I. *Te desjat' let. Fragmenty vospominaniy* [The main ten years. Fragments of memories], in *Nikita Sergeevich Khrushchev: Materials for the biography*, Moscow: Politizdat, 1989, pp. 287 — 347.
2. Aksjutin, Ju. V. *Hrushhevskaja «ottepel'» i obshhestvennye nastroyeniya v SSSR (1953-1964 gg.)* [The «thaw» and public moods in the USSR in 1953-1964.], Moscow: Rosspen, 2010, 622 p.
3. Bajbakov, N. K. *Ot Stalina do El'cina* [The from Stalin to Elcin], Moscow: GazOil press, 1998, 352 p.
4. Bart, R. *Camera lucida. Kommentarij k fotografii* [Camera lucida. Comment on the photo], http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/camera/02.php
5. Benjamin, V. *Proizvedenie iskusstva v epohu ego tehniceskoi vospriimчивosti* [The Age of Mechanical Reproduction], Moscow: «Medium», 1996, 240 p.
6. Vikulina, E. I. *Reprezentatsia tela v sovetskoj fotografii («ottepel'»)* [Representation in Soviet photography of the «thaw»], Moscow, 2012, 347 p.
7. Volkonogov, D. A. *Sem' vozhdaj* [The seven leaders], Moscow: AST, 1998, 358 p.
8. Gavrishina, O. V. *«Imperija sveta: fotografija kak vizual'naja praktika jepohi «ottepel'»* [«Imperija sveta»: Light: Photography as a visual practice of modern era], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011, 192 p.
9. *Izvestia*— 1954. — April 17.
10. Lavrentij Beriya. 1953. *Stenogramma iyul'skogo plenuma CK KPSS i drugie dokumenty* [Lavrentij Beriya. The verbatim report of July Plenum of the CPSU Central Committee and other documents]. / Ed. V. P. Naumov, Yu. V. Sigachev. 512 p. Moscow, MFD.
11. Medvedev, R. A. *N. S. Hrushhev. Politicheskaya biografija* [N. S. Hrushhev. The political biography], in *Druzhsba naroda*, Moscow: Izdatel'stvo Sojuza pisatelej SSSR, 1989, pp. 118 — 157.
12. Narsky, I. V. *Problemy i vozmozhnosti istoricheskoj interpretatsii semejnoj fotografii (na primere detskoj fotografii iz g. Gor'kogo)* [The problems and opportunities of the historical interpretation of family photography (on the example of a children's photo of 1966 from the city of Gorky)], in *Oche-vidnaja istorija. Problemy vizual'noj istorii*, Moscow, 2009, pp. 55 — 74.
13. *Nikita Sergeevich Hrushhev: dva cveta vremeni*. [Nikita Sergeevich Khrushchev: two colors of time. V. 1]. / Ed. A. N. Artizov, L. A. Velichanskaja, I. V. Kazarina, M. Ju. Prozumeshnikov, S. D. Tavanec. — Moscow, 2009. 880 p. Moscow, MFD.
14. *Ogonyok*— 1956. — February 12.
15. *Ogonyok*— 1957. — August 11.
16. *Ogonyok*— 1957. — January 27.
17. *Ogonyok*— 1959. — September 20.
18. *Ogonyok*— 1959. — September 27.
19. *Ogonyok*— 1959. — October 4.
20. Openkin, L. A. *Ottepel': kak eto bylo* [The «thaw»: How it was], Moscow: Znanie, 1991, 63 p.
21. Panofsky, E. *Etudy po ikonologii, gumanisticheskie teme v iskusstve Vozrozhdeniya* [Etudes in iconology: humanistic themes in the art of the Renaissance], Saint-Petersburg: «Azbuka-klassika», 2009, 432 p.
22. Pihoya, R. G. *Sovetskij Soyuz: istoria vlasti* [The Soviet Union: history of power], Novosibirsk: Sibirskiy hronograf, 1998, 680 p.
23. Plamper, Ya. *Alhimiya vlasti. Kul't Stalina v izobrazitel'nom prostreanstve* [Alchimie of power. Stalin's cult in visual space], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 496 p.
24. *Pravda*— 1934. — June 6.
25. *Pravda*— 1953. — March 7.
26. *Sovetskij Soyuz*— 1959. — № 11.
27. *Sovetskij Soyuz*— 1961. — № 9.
28. *Sovetskij Soyuz*— 1962. — № 6.
29. *Sovetskij Soyuz*— 1962. — № 7.
30. Hrushhev N. S. *Vospominaniya. Kniga 2* [Memories. Volume 2], Moscow: Veche, 2016, 896 p.
31. Shchepakova, E. I. *Visual'naya istorija* [The visual history], in *Mezhdju kanunami. Istoricheskie issledovaniya v Rossii za poslednie 25 let*, Moscow: AIRO-XXI, 2011, pp. 473 — 488.
32. Yakovlev, A. N. *Omut pamyati* [The whirlpool of memory], Moscow: Vagrius, 2001, 603 p.

Received August 31, 2017